

0- 790358

На правах рукописи

КОЗНОВА Наталья Николаевна

**МЕМУАРЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ: КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ
И ТИПОЛОГИЯ ФОРМ ПОВЕСТВОВАНИЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2011

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
Московского государственного областного университета

Научные консультанты:

доктор филологических наук, профессор
Смирнова Людмила Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Алексеева Любовь Федоровна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Колядич Татьяна Михайловна

доктор филологических наук
Местергази Елена Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Моторин Александр Васильевич

Ведущая организация:

Московский городской педагогический университет

Защита состоится «6» октября 2011 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению при Московском государственном областном университете по адресу: 105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 21-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного областного университета по адресу:

105005 г. Москва, ул. Радио 10а.

Автореферат разослан «3» сентября 201

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000680094

Ученый секретарь
диссертационного совета

Алпатова Т. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Мемуары в литературе Русского зарубежья в 1920–1950-е годы из периферии литературного процесса переместились в центр, оказались на вершине творческой деятельности многих выдающихся мастеров слова, были востребованы широким кругом читателей и значительно потеснили чисто художественные жанры. В роли мемуаристов выступили известные писатели, оказавшиеся за границей: Ив. Бунин, З. Гиппиус, Б. Зайцев, Г. Иванов, В. Ходасевич, Н. Тэффи, И. Шмелев, а также побывавшие в эмиграции и впоследствии вернувшиеся домой (М. Горький, А. Н. Толстой, Вс. Н. Иванов).

Мемуарный жанр, не требующий от авторов специальной длительной литературной подготовки, оказался наиболее привлекательным в утвердившейся социокультурной ситуации как для профессиональных литераторов, так и для рядовых участников исторических событий. Исконно свойственное природе этого жанра совмещение двух линий повествования, объективно-познавательной и личностно-исповедальной, обрело новый характер. Наряду со свидетельствами очевидцев мемуары явили собой концентрацию организационного и интеллектуального опыта, воплотили эстетические и литературно-критические взгляды авторов и их современников.

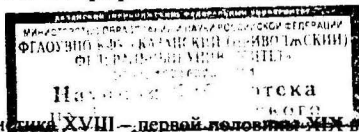
Мемуары по своей природе имеют две этимологические основы: от франц. *mémoires* – воспоминания и лат. *memoria* память. И та, и другая указывает на особую значимость личного опыта авторов-мемуаристов, «осмысленного в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания»¹. По мнению известного отечественного историка литературы А. Г. Тартаковского, «мемуаристика (в широком смысле слова) суть овеществленная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности об-

¹ Курносое А. А. Мемуары // БСЭ. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. – С. 432.

щества, его сознательного отношения к своему прошлому, а следовательно, к своему бытию вообще»¹.

Начало исследования писательской мемуаристики, думается, было положено в работах Л. Я. Гинзбург, в частности в книге «О психологической прозе» (1977), где автор приходит к выводу о неизбежном синтезе «памяти» и «воображения», «источников и традиций» в мемуарах, впитавших в себя опыт классических жанров, что не мешает, однако, признавать их «не канонической литературой», стоящей «за пределами правил»². Л. Я. Гинзбург было задано направление дальнейшим исследованиям ученых, среди которых наиболее актуальными оказались не только вопросы жанровой природы мемуаров, но и взаимоотношений автора и героя, приемы изображения «истории в человеке».

Уже в XIX в. мемуарная и автобиографическая проза в русской литературе были тесно взаимосвязанными. Т. М. Колядич обратила внимание на то, что «присутствие в структуре» мемуарных произведений «автобиографических элементов» дало толчок к появлению мемуаристики «как самостоятельного образования в системе прозаических жанров». Исследовательница подчеркнула в мемуарах «сложную структуру, в которой соединяются элементы лирической повести, биографического повествования, литературного портрета или некоторые другие»³. Проблема четкого разграничения мемуаров и автобиографии сложна и нередко приводила литературоведов к научной полемике. И. Шайтанов пришел к признанию множественных точек соприкосновения между двумя близкими повествовательными формами («Как было и как вспомнилось...»)⁴. Г. Елизаветина установила, что мемуары в большей степени рассказ об исторических событиях, а автобиография – повествование о собственном

¹ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. От рукописи к книге. – М.: Наука, 1991. – С. 3.

² Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Художеств. лит., 1977. – С. 143.

³ Колядич Т. М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. – М.: Мегатрон, 1998. – С. 8–9.

⁴ Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981.

жизненном пути¹. Е. Л. Кириллова² определила мемуарную прозу как метажанр с различными жанровыми модификациями и характерными жанрообразующими доминантами: «памятью» и «субъективностью». Е. Г. Местергази мемуары писателей включила в типологию «документальных» жанров, но именно тех из них, которые соответствуют высокому уровню художественности и «функционируют в соответствии с принадлежностью к тому или иному литературному жанру»³.

В основу теоретической позиции, развернутой в данной диссертации, положены утверждения Г. Г. Елизаветиной о том, что в *автобиографической* прозе автор обычно сосредоточен на истории собственной души в ее взаимоотношениях с миром и людьми. Автора же в *мемуарном* сочинении прежде всего интересует сам этот мир, встреченные на жизненном пути люди, события, свидетелем или участником которых довелось ему быть.

В 1990–2000-е годы наиболее активно осваивалась литературоведами отечественная мемуаристика XVIII–XIX веков. Например, в книгах А. Г. Тартаковского «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге» и «Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века»⁴, монографии О. В. Мишукова «Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля»⁵, в диссертационном исследовании А. В. Антюхова «Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века

¹ Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982. – С. 253.

² Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2004.

³ Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / ИМЛИ РАН. – М., 2008. – С. 5.

⁴ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. – М.: Наука, 1991; Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. – М.: Археографический центр, 1997.

⁵ Мишуков О. В. Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля. – Лодзь: Ibidem, 2007.

(Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика)»¹ и др. На базе произведений прошлых столетий в этих трудах осмысливаются проблемы поэтики и жанра мемуарной прозы.

Для исследователей актуален вопрос о том, считать ли автобиографии, дневники, письма, записки самостоятельными художественными формами или признать их разновидностями мемуарного жанра. О «размытости» жанровых границ мемуарной прозы писали И. О. Шайтанов («Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме)², Л. Я. Гаранин («Мемуарный жанр советской литературы»)³. Однако, несмотря на глубину осмысления данной проблемы и серьезный теоретический подход к ней, до сих пор в научной среде не создана убедительная жанровая типология мемуаров писателей, не изучены основательно связи мемуаров с другими проявлениями ретроспекции в художественном и околосудожественном тексте.

Интерес к писательским мемуарам в отечественном литературоведении на протяжении последних трех десятилетий можно назвать устойчивым. В этот период за мемуаристикой признается не только значимость исторического документа, но и самостоятельные эстетические достоинства.

В реферируемой диссертации сделан акцент на синкретичной структуре мемуаристики, метажанровой природе мемуарной прозы. Находясь на пересечении литературных традиций, мемуары вобрали в себя истоки многих художественных и документальных жанров: автобиографической повести, исторического романа, хроники, романа-биографии, очерка, дневника, путевых заметок, эссе и др.

Вопреки сложившимся традициям, когда мемуары рассматривались лишь на периферии литературного процесса, как второстепенная часть творчества

¹ Антохов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Брян. гос. ун-т им. И. Г. Петровского. – М., 2001.

² Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 76.

³ Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. – Минск: Наука и техника, 1986.

отдельных писателей, мы ставим мемуарную прозу в центр научного литературоведческого исследования как самостоятельный, в XX веке равноправный с другими и даже имеющий собственные преимущества пласт словесного искусства.

В литературе русской эмиграции первой волны мемуарные жанры пользовались особой популярностью. С одной стороны, мемуарное творчество отвечало духовным запросам авторов и насущным потребностям эмигрантского сообщества, выдвинувшего на первое место задачу сохранения русской классической культуры, с другой, – расширяло творческие горизонты художников слова, совершенствовало их литературное мастерство.

В. М. Пискунов¹ обнаружил в мемуарной прозе эмигрантов первой волны точки соприкосновения у художников слова и мыслителей, историков, общественных деятелей в их совместном поиске истины. Проблемы изображения истории человека и общества в мемуарах стали центром исследования в работах И. О. Шайтанова², Л. Я. Гаранина³. Выстроила свою жанровую типологию в мемуаристике на основе литературных воспоминаний писателей Русского зарубежья Е. Л. Кириллова⁴. Значительно дополняет научное представление о литературе с документальным началом исследование Е. Г. Местергази⁵, в котором «документальная литература» определяется как отдельный вид художественной литературы с присущей ей системой образности и жанровым своеобразием.

В 1990-е и 2000-е годы появились диссертационные исследования, посвященные творчеству отдельных писателей Русского зарубежья и включаю-

¹ Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. – М.: Альфа-М, 2005.

² Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 50–77; Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981.

³ Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. – Минск: Наука и техника, 1986.

⁴ Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2004.

⁵ Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / ИМЛИ РАН. – М., 2008.

щие обзор и краткий анализ мемуарного наследия того или иного художника слова. Например, работа О. С. Ткаченко «Жанровое своеобразие прозы В. Ф. Ходасевича» (2001)¹, Т. Н. Стояновой «Книга А. М. Ремизова “Взвихренная Русь”: формирование поэтики» (2003)², А. М. Новожиловой «Петербургские дневники З. Гиппиус» (2004)³, А. А. Кузнецовой «Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский)» (2005)⁴, А. В. Громовой «Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения» (2009)⁵ и др.

Однако, несмотря на усиление внимания исследователей к изучению мемуарных жанров, они до сих пор освоены недостаточно полно. И. Шайтанов констатировал: «Опыт мемуаристики предстоит осмыслению <...>. А о нем придется писать, поскольку мемуарный прием вновь influential в области литературы»⁶. В научных исследованиях мало реализован комплексный подход к изучению мемуарной прозы как явления *документально-исторического и литературно-художественного* одновременно. Многие проблемы создания, развития и функционирования мемуарной прозы в литературном процессе XX в., ее читательского восприятия остаются не проясненными. Назрела необходимость выявить беспрецедентное значение мемуарных жанров в литературе Русского зарубежья и тем самым существенно уточнить историю развития литературного процесса и культуры XX века в целом. Подробное изучение содержа-

¹ Ткаченко О. С. Жанровое своеобразие прозы В. Ф. Ходасевича. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2001.

² Стоянова Т. Н. Книга А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»: формирование поэтики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / СПбГУ. – СПб., 2003.

³ Новожилова А. М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Российск. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2004.

⁴ Кузнецова А. А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции (Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Лит. ин-т им. А. М. Горького. – М., 2005.

⁵ Громова А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2009.

⁶ Шайтанов И. О. Попытка прогноза // Вопросы литературы, 2000. – № 1. – С. 87.

ния и поэтики мемуаров писателей-эмигрантов – чрезвычайно **актуальная** задача современной гуманитарной науки.

Объектом данного исследования избрана мемуарная проза писателей-эмигрантов первой волны: Г. Адамовича, Н. Берберовой, И. Бунина, З. Гиппиус, Дон-Аминадо, Б. Зайцева, Г. Иванова, А. Куприна, Д. Мережковского, И. Одоевцевой, М. Осоргина, А. Ремизова, Ю. Терапиано, Н. Тэффи, В. Ходасевича, И. Шмелева, и др. В контексте писательских мемуаров рассматриваются также книги Н. Бердяева «Самопознание», Б. Савинкова «Воспоминания террориста», В. Шульгина «Три столицы: Путешествие в красную Россию», П. Н. Краснова «Всевеликое войско Донское». Отобраны тексты, отвечающие общим требованиям мемуарного жанра и характеризующиеся высоким уровнем художественности.

В качестве главного **предмета изучения** в диссертации выдвинуты мемуары выдающихся художников слова, в арсенале которых к моменту эмиграции имелся богатейший опыт постижения классики XIX века и участия в литературном процессе Серебряного века, виртуозной разработки литературных форм. Основное внимание сосредоточено на интерпретациях мемуаристами русской революции и новейшей истории. Поскольку зарубежный период творчества вышеназванных писателей в основном связан с Францией, наше внимание в большей степени сосредоточилось на жизни русских эмигрантов в Париже. При этом уделено внимание и творческим достижениям наших соотечественников, проживавших в других городах Европы и мира.

Целью исследования является комплексный анализ мемуарной прозы писателей-эмигрантов первой волны в единстве литературоведческого и историко-философского аспектов.

В задачи исследования входит:

– определение культурно-исторических условий возникновения и развития мемуарной прозы Русского зарубежья в 1920–1950-е годы;

- выявление мировоззренческих ориентиров, раскрытие гражданских и эстетических позиций писателей-эмигрантов, их приоритетов в области тематики и проблематики мемуарной прозы;
- исследование концепций исторического пути России, трансформированных в мемуарах Русского зарубежья;
- осуществление многоаспектного подхода к характеристике мемуаров русских эмигрантов как произведениям историко-документального, философского, духовно-нравственного содержания и объектам словесного искусства;
- классификация жанровых разновидностей мемуарной прозы писателей-эмигрантов; создание типологии мемуарных повествовательных форм;
- анализ и обобщение особенностей поэтики мемуарного текста: структурно-композиционных решений, способов и приемов художественного воплощения авторского «я»;
- изучение характера восприятия мемуарной прозы читателями и литературными критиками.

Научная новизна работы. В диссертации рассматривается феномен мемуарной прозы русской эмиграции первой волны как один из стержневых потоков литературного процесса – через контекст культурно-исторических, идеологических, творческих обстоятельств, в которых они создавались и функционировали. Предлагается метод изучения мемуаров, заключающийся в синтезе разноаспектных подходов к анализу мемуарной прозы, что ведет к постижению их историко-документального содержания, духовно-философского и собственно литературного, эстетического значения.

В центре исследования – обширный корпус мемуарных произведений широко известных писателей русской эмиграции первой волны (в том числе практически неизученных): И. Бунина «Воспоминания», Б. Зайцева «Москва», «Далекое», «Странник (Дневник 1925–1929 гг.)», А. Куприна «Купол Св. Исаакия Далматского», «Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста», З. Гиппиус «Дневники», «Дмитрий Мережковский. Воспоминания», Н. Тэффи «Моя летопись», И. Шмелева «Воспоминания. Родное.

Про нашу Россию», Г. Адамовича «Сомнения и надежды», В. Ходасевича «Перед зеркалом», Г. Иванова «Петербургские зимы», Н. Берберовой «Курсив мой», М. Осоргина «В тихом местечке Франции. Письма о незначительном», Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути», М. Цветасовой «Воспоминания о современниках». Подробному рассмотрению подвержены мемуары менее известных авторов-мемуаристов: Ю. Анненкова «Дневник моих встреч», С. Маковского «На Парнасе Серебряного века», Ю. Терапиано «Встречи», А. Седых «Далекie, близкие», В. Яновского «Поля Елисейские», Г. Кузнецовой «Грасский дневник», З. Шаховской «В поисках Набокова. Отражения»). Помимо мемуаров писателей привлекаются воспоминания философов (Н. Бердяева, Ф. Степуна, И. Ильина), историков (А. Кизеветтера, П. Новгородцева, П. Милюкова), военных (П. Краснова, А. Деникина), общественных деятелей (Б. Савинкова, В. Шульгина, П. Струве, В. Варшавского), религиозных мыслителей (С. Булгакова, Л. Карсавина, Н. Трубецкого, С. Франка).

В ходе исследования выявляются общие для многих и индивидуально неповторимые мировоззренческие, идеологические, духовно-нравственные позиции литераторов-эмигрантов, существенно повлиявшие на содержание мемуарных произведений, прослеживается образный, мотивный ряд, характеризующий историческую эпоху, выявляется взаимодействие разных временных пластов в эмигрантских воспоминаниях. Акцент делается не только на характеристике взглядов мемуаристов на события, свидетелями и участниками которых они были, но и на особенностях воплощения познавательного процесса, динамики осмысления прошлого и будущего России.

Большое внимание уделяется вопросам религиозно-духовного содержания, что ранее не рассматривалось в отечественном литературоведении как одна из стержневых проблем на страницах мемуарной прозы Русского зарубежья.

При анализе мемуарных текстов прокомментированы их связи с публицистикой и художественной прозой, учитывается литературный опыт писателей-мемуаристов, накопленный за годы творчества, предшествующие эмиграции. В результате мемуары писателей-эмигрантов предстают в двойном аспек-

те: в контексте их собственного творчества и в контексте литературно-художественной атмосферы России начала XX века и Русского зарубежья 1920–1950-х годов.

Впервые в данном диссертационном исследовании разрабатывается типология мемуарных *повествовательных форм* и обосновывается их роль в организации жанровой структуры мемуарной прозы, рассматриваются особенности формирования повествовательной системы в мемуарах и восприятие мемуарного текста читателями.

Методология исследования мемуаров русских писателей-эмигрантов основана на сочетании аналитического, системно-целостного, биографического и сравнительно-типологического принципов исследования. Анализ картин и обобщений, индивидуальной повествовательной манеры мемуаристов, особенностей жанра, специфики многогранной внутренней структуры мемуарного повествования, воплощения образа автора в тексте базируется на постижении богатых содержательных пластов, заложенных в мемуарной прозе, их ценностной интерпретации.

Теоретической базой проведенного исследования стали научные труды М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, В. Е. Хализева, Б. О. Кормана, посвященные общим вопросам жанровой природы и структуры художественного текста, а также работы ученых, обращавшихся к особенностям повествовательных форм в произведениях разных жанров, – В. Проппа, В. Шкловского, Б. Томашевского, Б. Успенского, Дж. Принса, Э. Форстера и др.

По истории литературы Русского зарубежья значение базовой основы выполнили труды Г. Струве, А. Г. Соколова, А. А. Николюкина, Л. А. Смирновой, О. Н. Михайлова, А. П. Черникова, В. В. Агеносова, Н. Н. Примочкиной, Ж. Нива, Р. Джонстона.

Постижению мировоззренческих и онтологических позиций русских писателей-эмигрантов первой волны способствовали труды С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, А. А. Кизеветтера,

П. И. Новгородцева, Н. С. Трубецкого, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Б. П. Вышеславцева.

В исследовании также учтены наблюдения и выводы исследователей по проблемам эволюции и поэтики мемуарной прозы, содержащиеся в работах А. В. Антюхова, Л. Я. Гаранина, А. В. Громовой, Г. Г. Елизаветиной, Е. Л. Кирилловой, Т. М. Колядич, А. А. Кузнецовой, Л. Ф. Луцевич, Е. Г. Местергази, О. В. Мишукова, Е. В. Николаевой, В. М. Пискунова, А. Г. Тартаковского, И. О. Шайтанова.

Практическая значимость исследования подтверждена публикациями монографий и статей. Наблюдения и обобщения, представленные диссертантом, могут быть использованы при дальнейшей научной разработке тем «История Русского зарубежья», «Мемуары русских писателей», а также проблем, связанных с определением жанровых и композиционных особенностей мемуарного текста, взаимодействия художественной и документальной прозы, в подготовке учебных курсов и спецкурсов по истории русской литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

– Мемуарная проза, созданная русскими эмигрантами первой волны, стала в Русском зарубежье едва ли не центральной ветвью литературного процесса; она по-своему, с необычайной искренностью и глубиной осветила глобальные темы, имеющие истоком историю войн и революций в России, традиции русской литературы, выразила оценки и понимание нравственно-этических и духовно-религиозных вопросов.

– Мемуары писателей Русского зарубежья не опирались на программы и лозунги политиков или идеологов «новой России», но были основаны на личных наблюдениях, глубоких впечатлениях выдающихся писателей, ставших невольными свидетелями грандиозных эпохальных событий начала XX века.

– В воспоминаниях эмигрантов осмыслены взаимоотношения искусства и религии, Церкви и государства. Заслуга мемуаристов состоит в том, что они сохранили атмосферу напряженных раздумий русской зарубежной интеллигенции над сущностными вопросами бытия.

– В художественном отношении эмигрантская мемуарная проза тяготеет одновременно к документальному и художественному стилю. По точности изложения некоторых событий и деталей повседневной жизни она не уступает историческим документам, а по способу воспроизведения действительности – лучшим образцам классической литературы, а также по-своему постигает и трансформирует эстетические открытия XX века.

– Обращение писателей-эмигрантов к мемуарным жанрам было обусловлено не только идеологическими и психологическими причинами, но и стремлением к поиску новых художественных форм, совершенствованию повествовательного мастерства.

– Для мемуаров, созданных выдающимися художниками слова, характерна синтетическая структура, позволившая авторам сочетать в мемуарном тексте, с одной стороны, элементы чисто документальной прозы: очерка, эссе, дневника, эпистолярия, с другой – художественных жанров: автобиографического рассказа, повести, романа, хроники, с третьей – публицистики: статьи, заметки, репортажа, некролога.

– В мемуарных произведениях нашли воплощение неповторимые особенности индивидуального стиля писателей: И. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева, З. Гиппиус, Н. Тэффи, Дон-Аминадо, М. Осоргина, И. Одоевцевой, Н. Берберовой и т. д. Каждая жанровая разновидность требует от автора обращения к определенной повествовательной форме, оригинальному способу воспроизведения событий и впечатлений.

– Формы повествования в эмигрантской мемуарной прозе изменяются в зависимости от степени проявленности биографического автора в тексте. Автор-мемуарист материализован в образе собственно автора, повествователя (сходного по функции с лирическим героем) и героя-персонажа.

– В силу своей содержательной и композиционной сложности, многогранности мемуары эмигрантов первой волны требовали от читателя серьезной подготовки к восприятию: исторической, культурологической, общелитературной, однако в XX веке были необычайно востребованы как достоверные источ-

ники большой познавательной ценности, – иногда в большей мере, нежели собственно художественные произведения.

Апробация диссертации Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской литературы XX века МГОУ, были представлены в виде докладов на Международных и Всероссийских конференциях: «Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора» (Волгоград, ВГПУ, 2006 г.), X Виноградовские чтения «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Москва, МГПУ, 2007 г.), «Экология культуры и языка: проблемы и перспективы (Архангельск, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2007 г.), «Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох» (Белгород, БелГУ, 2006, 2007 гг.), «Литература и документ: теоретическое осмысление темы» (круглый стол, Москва, ИМЛИ РАН, 2008 г.), «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения» (Москва, МГУ, 2006, 2008 гг.), «И. А. Бунин и русский мир» (Елец, ЕГУ – ВГУ, 2008 г.), Пушкинские чтения (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2006–2009 гг.), «Восточные славяне в Зарубежье: литература – язык – культура», (Ополе, Институт восточнославянской филологии Опольского университета, 2009 г.), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи», «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» (Москва, МГОУ, 2007, 2009 гг.); «Эго-документ и литература» (Варшава, Институт русистики Варшавского университета, 2009 г.), Шешуковские чтения (Москва, МПГУ, 2007–2010 гг.), «Реальный факт и художественный вымысел в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны» (Варшава, Институт русистики Варшавского университета, 2010 г.) и др. Положения диссертации апробированы также в *монографиях* «Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России» (Белгород: Изд-во БелГУ, 2009) и «Типология форм повествования в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны» (Белгород: Изд-во БелГУ,

2010), а также в 48 публикациях, в том числе в 13 изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из текста на 493 страницах, включающего введение, две части, состоящие из трех глав каждая, заключение, библиографию, насчитывающую 605 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается тема диссертации, актуальность предпринятого исследования, раскрывается степень научной разработанности темы, определяются основные цели, задачи и методы исследования, теоретическая и практическая значимость, научная новизна работы.

В **первой части** изучается философско-идеологическая и психологическая атмосфера Русского зарубежья, обусловившая появление большого количества мемуаров писателей в 1920–1950-е годы, определяется тематика и проблематика литературных воспоминаний, выявляются образы, мотивы, отражающие историко-культурные связи событий прошлого с явлениями современной для мемуаристов действительности.

В **первой главе: «Идейные ориентиры и узловые центры повествования в мемуарной прозе писателей-эмигрантов»**, – выявляются как индивидуально-субъективные, так и общие для многих мемуаристов взгляды на исторические катаклизмы в России начала XX века. Выбранные для анализа мемуарные тексты («Петербургские зимы» Г. Иванова, «Курсив мой» Н. Берберовой, «Купол Св. Исаакия Далматского» А. Куприна, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Окаянные дни» И. Бунина, «Петербургские дневники» З. Гиппиус, «Записки писателя» М. Арцыбашева и др.) подтверждают, что в центре постоянных, непрерывных размышлений писателей-эмигрантов первой волны оказались вопросы, связанные с Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., Гражданской войной и отношением народа к большевистской власти, непосредственно с эмиграцией сотен тысяч российских граждан в страны Европы, Азии и Америки.

Мировоззренческие позиции эмигрантов оказали значительное влияние на тематику и проблематику художественной, документальной, мемуарной прозы. В мемуарах в различных повествовательных и лирико-публицистических формах передано многогранное осознание нашими соотечественниками в зарубежье случившегося со страной и русским народом. Одни писатели выразили обостренные национальные чувства, желание активно бороться против большевиков, за новую Россию (И. Шмелев, А. Куприн, М. Арцыбашев, Б. Савинков, П. Краснов, З. Гиппиус, Д. Мережковский), другие – побуждения к интенсивной творческой деятельности, к продолжению и развитию лучших традиций отечественного классического искусства (И. Бунин, Б. Зайцев, В. Ходасевич, Г. Адамович, А. Ремизов, М. Осоргин).

Русские писатели-мемуаристы, реставрировавшие в своих произведениях первые годы пребывания за рубежом, отразили динамику совместных поисков творческой интеллигенцией причин и видов деятельности русской эмиграции. Нередко мемуаристы прибегали к реминисценциям или прямой цитации хорошо известных в Русском Зарубежье научных и публицистических работ, художественных шедевров отечественной классики (В. Ходасевич, Н. Бердяев, И. Бунин, З. Гиппиус), обращались к давним дневникам, письмам, записным книжкам, стремясь как можно точнее и правдоподобнее передать мысли своих современников, в деталях восстановить споры, полемические беседы эмигрантов (Г. Адамович, И. Одоевцева, Ю. Терапиано). Ряд авторов тяготели к сюжетному построению мемуарного материала, пытаясь рассказать о проблемах эмигрантской жизни, судьбах близких им людей (Б. Зайцев, И. Бунин, Н. Тэффи, Дон-Аминадо).

В данной главе обобщены, систематизированы на тематическом, образном, мотивном уровне разносторонние подходы мемуаристов-эмигрантов к революционным событиям, особенностям их жизни в России до революции и в эмиграции. Особо акцентирована тесная взаимосвязь истории и близкой эмигрантам современности, проведен параллельный анализ взглядов историков, политиков, философов и писателей – представителей одного поколения, оказав-

шихся в сходных условиях оторванности от Родины. Неоднородность полученных ответов, прозвучавшая в мемуарах писателей-эмигрантов, еще раз убеждает в том, что авторы мемуарной прозы осмысливали события по-разному: с точки зрения идеологической, мировоззренческой, индивидуально-личностной (на эмоционально-лирическом, образном уровне).

В процессе разработки эмигрантской темы писателями-мемуаристами шло стремительное сближение публицистических, художественных, автобиографических жанров с мемуарными. Сопоставив мемуарные тексты, принадлежащие разным авторам, нам удалось доказать и наглядно продемонстрировать проникновение разнообразных жанровых начал в писательские мемуары, а также зафиксировать изменения форм выражения авторской позиции, эволюционировавшей в сторону многофункциональности образа повествователя. Мемуарист часто совмещал роль публициста, историка, художника, биографа, являя многогранность образа повествователя (Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути», Тэффи «Моя летопись», В. Ходасевич «Некрополь», Б. Зайцев «Дни»).

Писатели-эмигранты, обратившись к мемуарному жанру, отразили важную проблему, стоявшую перед творческой интеллигенцией, – упрочения значимости русской национальной культуры в западном мире. Эта задача вызвала к жизни воспоминания о выдающихся современниках и предшественниках, встречах с ними или знакомство с воплотившимися в документах или ставших преданиями свидетельствами об их деятельности. В 1920–1930-е годы в разных городах и странах появилось большое количество мемуаров о выдающихся русских художниках слова, живописцах, музыкантах и т. п. В мемуарные произведения проникли размышления о влиянии культуры XIX – начала XX вв. на становление художественного мастерства писателей, оказавшихся в эмиграции. Повествование в таких произведениях стало носить не только исторический, но и литературно-критический, аналитический характер.

Для эмигрантов литература была практически единственной незыблемой основой культурного и национально-исторического единства, оказавшись в тот момент, по замечанию М. Арцыбашева, «по преимуществу литературой мемуа-

ров и человеческих документов»¹. Однако наряду с поисками решения насущных для эмигрантов историко-философских и политических проблем мемуарная проза ярко характеризовала внутреннее, психологическое состояние пишущих и их современников. Именно в мемуарной литературе сохранилось непосредственное восприятие не только определенных событий, но и портреты свидетелей и участников исторической эпохи.

Исследовательское внимание диссертанта сосредоточено в этой части работы на монологическом начале, субъективности оценок, данных мемуаристами людям и событиям, значительности авторской интерпретации увиденного и пережитого, что дает право констатировать принадлежность мемуаров писателей как к документально-художественной, так и психологической прозе.

Вторая глава «Историческое прошлое России и реалии XX века в мемуарах писателей-эмигрантов» посвящена воплощенным в мемуарной прозе раздумьям писателей о судьбах Отечества, взглядам авторов на историческое прошлое страны и его связей с настоящим, попыткам предвидения будущего многострадальной Родины через постижение опыта предыдущих поколений.

Анализ многочисленных мемуарных текстов выявил, что описательная (фактическая) сторона воспоминаний всегда обращена к прошлому, содержательная (ретранслирующая) – направлена к настоящему и будущему. Мемуарист, выполняя задачу хранителя времени, передает опыт прошлых поколений – будущим. У эмигрантов, в отличие от авторов мемуаров, созданных в других обстоятельствах, сложилось особое отношение к истории – как непрерывному, единому движущемуся процессу. Авторы мемуаров обратились к истокам исторического сознания соотечественников-эмигрантов, подробно, детально реставрировав этапы прошлой жизни Отечества и судеб своих современников. Включив в свою мемуарную прозу автобиографические, биографические, историко-публицистические фрагменты, писатели сумели не только восстановить ключевые события в истории Отечества, но и передать глубину,

¹ Арцыбашев М. А. Записки писателя // Литература русского зарубежья. Антология: В 6 т. – М.: Книга, 1991. – Т. 2. – С. 433.

яркость ощущений пережитого ими лично (Б. Зайцев «Москва», «Далекое», И. Шмелев «Родное. Про нашу Россию», И. Бунин «Воспоминания», Н. Берберова «Курсив мой» и др.). Проведенное исследование показывает, что личностное восприятие истории страны как истории собственной жизни, жизни своей семьи, близких – весьма характерная особенность мемуаров русских беженцев первой волны.

Мемуары русских писателей-эмигрантов отличаются от аналогичных произведений, созданных советскими и зарубежными авторами, прежде всего возможностью, находясь как бы в «нейтральной точке», одновременно наблюдать за жизнью и Европы, и России не сторонним взглядом зрителя, а в качестве полноправного участника событий, осмысливать две стороны процесса мирового развития не извне, а изнутри. Неслучайно, обладая огромным литературным и общекультурным опытом, мемуаристы-эмигранты старшего писательского поколения обратились к сопоставлению разных временных периодов, ключевых событий Отечественной истории отдаленных во времени (Монголо-татарское иго, Смутное время, народные восстания под предводительством С. Разина и Е. Пугачева) с событиями начала XX века (революцией, Гражданской войной в России, советской системой тоталитарного государства). Подобный сопоставительный анализ с одной стороны наглядно демонстрировал непрерывность поступательного движения общеисторического процесса, объективную связь времен и событий, с другой, – желание писателей предостеречь своих современников от непоправимых исторических ошибок.

Именно поэтому литературные воспоминания русских эмигрантов тесно взаимосвязаны с публицистикой и художественной литературой, располагающей большим арсеналом поэтических средств и приемов не только для воспроизведения событий и фактов реальной действительности, но и для выражения гражданских чувств автора, обладающего особой силой воздействия на читателя, что преображало Слово мемуариста в Слово трибуна и патриота.

История Отечества воспринималась эмигрантами не только через анализ событий прошлого, но и через оценку роли ключевых исторических личностей

своего времени: таких как Ленин, Троцкий, Луначарский, Каменев, Керенский, Савинков, Деникин, Колчак, Краснов, Корнилов и др. Резко негативное отношение русской эмиграции к большевикам, как главным виновникам бед, выпавших на долю России, сказалось на создании литературных портретов пролетарских руководителей, которые, несмотря на большую историческую достоверность в мемуарах приобретали карикатурно-памфлетный вид. Такие мемуарные портреты были прямо противоположны многочисленным хвалебно-одическим статьям, посвященным «героям революции» в советской прессе.

Иначе представлены в диссертации созданные мемуаристами портреты героев Февральской революции, в которой старая русская интеллигенция недолго видела надежду на спасение России. В отношении к этим «героям времени» ощущались авторские симпатии и благосклонность, вполне очевидна положительная оценка их деятельности, что выражено риторически возвышенным тоном повествования, яркими меткими эпитетами, афористичностью характеристик, хотя нередко проскальзывает и ирония, поскольку вспоминая уже известные результаты «благих намерений».

Писатели-эмигранты прислушивались к мнениям современных им политиков, военных, общественных деятелей. Только совместные искания истины, по их мнению, могли привести к верной оценке исторического опыта жизни нескольких поколений соотечественников и определить роль эмиграции в строительстве России грядущей. Они фиксировали суждения современников из различной социальной и идеологической среды с целью сохранить о них память для потомков. О политической жизни в русских эмигрантских кругах 1920–1930-х годов позднее, в 1950–1980-е годы, были написаны мемуары. В работе подробно проанализированы воспоминания Г. Адамовича, Н. Берберовой, Б. Зайцева, З. Шаховской, В. Яновского, Ю. Терапиано. Авторы-мемуаристы каждый по-своему запечатлели, как русские писатели, критики, философы и общественные деятели участвовали в различного рода политических организациях и группах или наблюдали деятельность политиков и их идеологов во время совместной работы в издательствах, дискутировали по политическим вопро-

сам. Именно в общении творческой интеллигенции, в полемике по вопросам литературы, политики выковывались взгляды писателей на будущее России, которые в литературных воспоминаниях, созданных несколько лет спустя, конечно же, воспринимались как прошлое.

В данной главе воспоминания писателей-мемуаристов рассматриваются с точки зрения жанрового синтеза документа, автобиографического повествования, литературного портрета выдающихся исторических личностей, повлиявших на ход исторического развития. Мемуары писателей, посвященные историческим событиям, полифункциональны: они не только точно воспроизводят события и лица, отражают реальную действительность, но и художественно воссоздают историческую картину прошлого. Уровень объективности в них, по наблюдениям диссертанта, снижен, но уровень художественно-эстетический довольно высок, что во многом восполняет недостаток точности, документальности. Силой собственного воображения, использованием широкой палитры художественных образов и приемов писатель-мемуарист предоставляет возможность своим читателям не просто познакомиться с событиями и фактами далекого прошлого, но пережить, прочувствовать их вместе с реальными участниками.

Третья глава: «Отражение духовно-нравственных вопросов в мемуарной прозе Русского зарубежья», – раскрывает причины обращения мемуаристов-эмигрантов к истокам русской духовной культуры, особенности отношений к христианской Церкви в эмигрантском обществе. В данной главе речь идет об отражении в мемуарах писателей путей духовного возрождения России и роли в этом процессе высокого искусства, литературного творчества. Решение вопросов религиозно-духовного содержания на страницах мемуарной прозы Русского зарубежья ранее не рассматривалось в отечественном литературоведении. На наш взгляд, это одна из центральных проблем мемуаристики эмигрантов первой волны.

Начало XX века было ознаменовано глубокими раздумьями русской интеллигенции о религиозных перспективах развития мира и человека в новом

столетии. Вопрос о достижимости духовной высоты, ее осуществимости в земной жизни стал одним из ключевых в отечественной культуре данного периода. Особой притягательной силой обладала христианская философия, в которой «сосредоточились отточенные веками идеальные представления о преображении греховного, разобщенного мира»¹. В подобном культурно-историческом контексте повышенное внимание к православию среди русских эмигрантов первой волны вполне очевидно.

Сформированные ранее и получившие новые импульсы к 1910–1920-м годам христианские идеи воплотились как в отечественной философской мысли (работы В. С. Соловьева, С. Булгакова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, П. А. Флоренского и др.), так и в русской словесности (произведения Д. Мережковского, З. Гиппиус, М. Горького, И. Шмелева, Б. Зайцева, А. Ремизова и др.). Революционная катастрофа имела скрытой целью разрыв внутри страны связей с национальными духовными традициями, новая власть сеяла атеизм и религиозное невежество. Подвергалась новым требованиям «идейности и партийности» как литература, так и литературоведческая наука. Не случайно и по сей день остается заостренным вопрос о том, можно ли вообще считать отечественную классику православной, некоторые ученые сомневаются в наличии даже христианского подтекста в ней.

После пережитых революционных потрясений, утраты Отечества, перенесенных страданий многие эмигранты вернулись к русскому православию и обретению духовной родины, имеющей название Русь Святая. Возвращение было обусловлено желанием найти источник утешения и внутренней силы, необходимый для перенесения тягот, преодоления внутренней пустоты, возникшей при утрате прежних идеалов. Оказавшись за рубежом, наши соотечественники увидели в православии прочную, едва ли не единственную связь с утерянной Родиной и получили возможность сохранить свой духовный мир в чужеродном культурном окружении.

¹ Смирнова Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX века. – М.: Просвещение, 1993. – С. 5.

Повышенный интерес эмигрантов первой волны к истокам православной духовной культуры был проявлен в разных видах литературного творчества: художественном, научно-публицистическом, мемуарном. Своеобразно сочетаются эти качества и родовые приметы прозы в наследии И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева – писателей, которые вполне справедливо признаны современными литературоведами православными, а их творческий метод определен как «духовный реализм» (А. М. Любомудров, А. П. Черников).

Мемуарные книги Б. Зайцева «Москва», «Далекое» не принято относить к духовной прозе, но мы считаем, что исторический и биографический материал, скомпонованный и представленный в них, позволяет четко выделить у героев и повествователя убеждения и взгляды православного человека, христианина. Подтверждением твердой христианской позиции писателя являются и две книги путевых очерков «Афон» и «Валаам», основанные на воспоминаниях о путешествиях автора по местам, связанным с историей русского православия.

Мемуарная проза И. Шмелева, элементы воспоминаний в его чисто художественной прозе также содержат описания и анализ духовных вопросов первостепенно важных для русского человека. Воспоминания писателя о детстве и юности насыщены образами, связанными с религиозной культурой. Писателю легко достучаться до читательского сердца, вызвав к жизни образы, многим знакомые с детства и связав воспоминания о России с русским православным миром. Открытия, сделанные автором в рассказах, романах и повестях, повлияли и на собственно мемуарные произведения.

Книга мемуарных очерков Шмелева «Старый Валаам» (1936), созданных на основе воспоминаний и давней юношеской книги «На скалах Валаама» (1897), представляет собой своеобразный итог «хожений» автора по святым местам. В эмиграции давний текст переписан заново – рожден через новое напряжение памяти. В результате своих наблюдений И. Шмелев пришел к выводу о значимости национальных православных традиций для Русского зарубежья и населения, оставшегося в СССР. Писатель был убежден, что вина русской интеллигенции, допустившей разгул революции в России, заключалась в ослабле-

нии чувства патриотизма, потери связи с тем, что составляло национальное ядро нашего народа, – с православной верой.

А. Ремизов откликнулся на трагическую ситуацию отхода русского общества от христианства в свойственной ему причудливой манере сказа. Синтезируя элементы древней летописи («Временник» И. Тимофеева) и фольклорные жанры: былины, песни, писатель создал «Слово о гибели Русской Земли» и «Заповедное слово Русскому народу», вошедшие позже в его книгу «Взвихренная Русь» (1927), где тесно переплетены воспоминания и сны, быль и вымысел. Эти произведения написаны в традиционном для эмигрантской мемуарной литературы композиционном ключе: в основе сюжетного повествования – антитеза «было – стало». Жизнь России до революции, несмотря на все трудности, взлеты и падения, переживаемые обществом, представлялась автору более гармоничной и цельной, протекавшей в русле национальных культурных традиций, но не находила аналогов во времени настоящем. Судьбы русских людей, по мнению писателя, прочно связаны с состоянием родной Земли, без ее счастья и покоя немыслима жизнь для каждого из них, понять смысл собственного земного бытия возможно лишь постигнув основы духовного пути Родины.

Волновал мемуаристов-эмигрантов и вопрос чисто конфессиональный, об отношении общества к Православной Церкви среди зарубежных россиян, из которых по некоторым данным, «95% составляли верующие»¹. Несмотря на документальные свидетельства мемуаристов о большой востребованности Церкви как организующего и объединяющего начала для русских эмигрантов также достоверно известно, что в интеллигентской части русской диаспоры нередко звучали голоса, призывающие Церковь к внутренним преобразованиям в соответствии с новыми реалиями современности (Н. Бердяев, о. Сергей Булгаков). Церкви предлагалось восстановить утраченное в революционные годы влияние на жизнь русских людей, приспособившись к новым историческим условиям.

¹ Шулепова Э. А. Роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность: сб.ст. / Министрство культуры РФ, Российский институт культурологии; отв. ред. Э. А. Шулепова. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С. 21.

Решение этой проблемы связано с размышлением авторов-мемуаристов о России прошлой и настоящей, судьбах соотечественников за рубежом, попыткой объединения людей с разными взглядами на политику, историю, литературу, общество. Воспоминания эмигрантов на тему церковной жизни представлены в виде очерков, зарисовок ностальгического характера из цикла «Россия – потерянный Рай», литературных портретов лиц духовного звания, полемических бесед в среде творческой интеллигенции о роли Церкви в обществе, публичных выступлений писателей, философов, богословов на интересующую тему. В диссертации эти жанровые разновидности проанализированы и систематизированы, что позволило воссоздать целостную картину религиозно-духовной жизни эмигрантского сообщества 1920–1930-х годов.

Писатели-эмигранты активно включились в полемику по вопросу о «двух Церквях» (отечественной и зарубежной) и «двух Россиях». Отголоски этих споров рассматриваются в мемуарах представителя младшего поколения литераторов – Ю. Терапиано. Замечено, что длительных и обширных публичных дискуссий о роли Церкви в жизни общества писательские мемуарные записи не зафиксировали. Вывод мемуаристов о том, что русская Церковь за рубежом имела важное объединяющее значение для консолидации всех национальных сил, стал общепризнанным и не вызывал особых разногласий.

В контексте духовной жизни русских за рубежом освещаются в диссертации вопросы искусства, подвергнутые осмыслению в мемуарной прозе. Выявлено, что художественное творчество воспринималось писателями-эмигрантами как сложный процесс, относящийся к высшей, «Божественной» сфере, навсегда связанный с «духом и силой небесной». Многим импонировала идея о «сотворчестве» человека с Богом, которую неустанно развивал Н. А. Бердяев вслед за философом Вл. Соловьевым, духовно родственным представителям русской интеллигенции начала XX века.

Привлекали мемуаристов также размышления С. Н. Булгакова о человеке-творце, призванном «творчески действовать в мире». Проблема творческой личности подвела И. А. Ильина к выводу о том, что творческий процесс сопря-

жен с высшей метафизической тайной, порой недоступной обычному человеку. Искания философов в этой области параллельно вели мастера художественного слова, в том числе и авторы воспоминаний.

По мнению Г. Адамовича, роль писателя не заключается только в посредничестве, проведении Божественных идей в великое «народное море». Творческий процесс не характеризуется однонаправленностью. Божественная природа искусства существенно обогащает личность самого творца. Положение художника в современном обществе далеко не удовлетворяло русских писателей-эмигрантов. Вл. Ходасевич сравнивал его с положением человека, оказавшегося в безвоздушном пространстве, где «религиозного кислорода», необходимого для дыхания, почти не осталось. Выход из создавшейся ситуации, по мнению В. Вейдле, виделся только один – вернуться к религиозно-духовным основам мира всем вместе, как писателям, так и читателям. Самым реальным и выполнимым в условиях эмиграции «действием» в пользу разрешения спора между Материей и Духом было признано Слово художника.

Разумеется, не все эмигранты были глубоко погружены в идеи православия, но пройти мимо проблем, связанных с осмыслением взаимоотношений искусства и религии, Церкви и государства, человека и Бога не мог никто из серьезных мыслителей и писателей. Заслуга мемуаристов состоит в первую очередь в том, что они сохранили самую атмосферу напряженных раздумий русской зарубежной интеллигенции над сущностными вопросами бытия.

Во **второй части** диссертационного исследования писательские мемуары подвергаются анализу не только как историко-литературные документы давно ушедшей эпохи, но как литературные произведения, подчиняющиеся законам определенного жанра, имеющие своеобразную поэтическую структуру и собственную типологию форм повествования.

Четвертая глава «Жанровое многообразие в мемуарной прозе и его влияние на выбор форм повествования» посвящена характеристике мемуарных жанров, таких как очерк, эссе, дневниковая запись, а также особенностям

функционирования эпистолярного жанра в рамках мемуарного произведения. Учитывая тот факт, что основными жанрообразующими доминантами в мемуаристике являются «память» и «субъективность», вполне объяснимо тяготение мемуаристов к жанрам, несущим ответственность за точность, подлинность информации и одновременно сохраняющим доминирование авторской точки зрения. Именно свободное соединение вышеперечисленных жанров в мемуарном тексте позволяет говорить о сложной метажанровой структуре мемуаров.

Одним из самых популярных жанров мемуарной прозы Русского зарубежья является *очерк*. Литературные воспоминания писателей-эмигрантов нередко объединяются в циклы очерков («Москва», «Далекое» Б. Зайцева, «Живые лица» З. Гиппиус, «Некрополь» Вл. Ходасевича и др.). В очерке внимание автора обычно сосредоточено на внешней изобразительности, типизации черт характеров или воссоздании национальных, социальных особенностей жизни общества, отдельных людей в определенную историческую эпоху. Все эти качества очерковой прозы отвечают основным требованиям мемуаристики – как можно точнее сохранить и подробно, в деталях восстановить прошлое.

В мемуарах писателей Русского зарубежья нами выделена следующая типология очерковых типов: очерк-портрет, биографический, автобиографический, исторический, литературно-критический очерк. Каждый из них имеет свои специфические особенности, связанные с авторской задачей и выбором форм повествования. Так, в *очерке-портрете* под пристальным взглядом автора-мемуариста оказывается не столько внешность портретируемого, сколько его внутренний, духовный мир. Здесь автору наиболее важно «остановить мгновение» быстротекущей жизни и оживить в памяти чувства, рожденные в момент общения с близким по духу человеком. Описательность, психологизм, тонкая детализация – основные признаки повествования в очерке такого типа. Очерк-портрет характерен для мемуарной прозы Б. Зайцева («Далекое»), З. Гиппиус («Живые лица»), И. Бунина («Воспоминания»), Ю. Анненкова («Дневник моих встреч») и др.

Очерк биографический основан на важных вехах жизненного пути героя в их тесной взаимосвязи с жизнью общества и движением истории. В отличие от биографической повести или романа, где судьбы персонажей прослеживаются довольно подробно, хронологически (от рождения до смерти или зрелого возраста), в биографическом мемуарном очерке представлены лишь отдельные эпизоды из жизни героя, в основном в период близкого знакомства с ним автора-мемуариста, но эти эпизоды оказываются особо значимыми в историческом контексте эпохи, воспроизводимой в мемуарах. Повествовательная линия имеет здесь «точечный», прерывистый характер: от одного важного эпизода-встречи к другому, автор-повествователь здесь – аналитик и комментатор чужой судьбы. Такой тип очерка встречаем в книге В. Ходасевича («Некрополь»), М. Цветаевой («Воспоминания о современниках»), А. Седых («Далекие, близкие») и др.

Автобиографический очерк – одна из мемуарных жанровых форм, воплощающая воспоминания пишущего о пройденных им самим жизненных этапах. Основой автобиографического повествования являются события из личной жизни автора, приобретшие с течением времени документально-историческую значимость как отражение ушедшего в прошлое огромного пласта жизни целого поколения. Повествовательное «я» автора и героя в этом случае максимально сопряжены (Б. Зайцев «Москва», И. Шмелев «Воспоминания», Н. Тэффи «Моя летопись»).

В очерке *мемуарно-историческом* события, характеризующие эпоху и имеющие значение в эволюционном движении мира, страны, народа, доминируют над описанием частной жизни как самого автора, так и его персонажей. Повествователь прежде всего избирает позицию наблюдателя за текущими событиями, часто вынося им резко субъективную оценку. Его главной задачей становится постижение исторического хода явлений и событий, свидетелем которых он стал (Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути», А. Куприн «Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста»).

Предметом авторского интереса в *литературно-критическом* очерке является творчество того или иного выдающегося современника, мастера слова,

постигаемое через особенности его мировоззренческих ориентиров, окружающей социально-культурной среды. Главными повествовательными признаками очерка такого типа можно назвать критический анализ, оценочность, основанную на глубоком изучении творческой деятельности персонажа-художника (Г. Адамович «Сомнения и надежды», С. Маковский «На Парнасе Серебряного века»).

Известно, что мемуары писателей не обладают полным спектром всех свойств документалистики, публицистики или художественной прозы, но их элементы, бесспорно, присутствуют в мемуарных текстах. Писательские мемуары не всегда документально точны, объективны, подробны и логически последовательны, также и не всегда сюжетны, образно-экспрессивны, эмоциональны. Вспоминая о прошлом, авторы мемуаров апеллируют к различным видам памяти: генетической (или наследственной), исторической, образной, эмоциональной, зрительной, слуховой, ассоциативной, отчего и композиция мемуарного текста приобретает несколько мозаичный характер. Если литературные воспоминания фрагментарны, непоследовательны, включают в себя философские размышления, а диалог автора с читателем протекает в свободной, непринужденной форме, есть смысл говорить о присутствии свойств *эссеистической прозы* в данном мемуарном произведении.

Эссе наряду с другими популярными в мемуаристике публицистическими жанрами (очерками, фельетонами) многократно встречаются в составе мемуарных книг писателей-эмигрантов («Петербургские зимы» Г. Иванова, «В тихом местечке Франции» М. Осоргина, «Пленный дух» М. Цветаевой). Если в очерке личностная позиция пишущего не всегда ощущается, а нередко намеренно затушевывается и выносится за рамки повествования, то в эссе она вполне определена, открыта, структурно организует текст, объединяя образ повествователя и автора. Мемуаристы всегда стремятся к объективности, но на практике прибегают к субъективному изложению событий, тяготея к стиливой и композиционной свободе, непринужденности изложения материала. В таком случае

эссе становится для них особенно привлекательным жанром и получает новое развитие в мемуарах.

Большинство воспоминаний отделено от описываемых в них событий значительным временным отрезком, поэтому даже хорошая память мемуариста и стремление к объективности не могут гарантировать абсолютной точности воспроизведения информации. Мемуарист, стремясь к большей достоверности в своем повествовании, активно обращается к дневниковым записям прошлых лет, авторским записным книжкам, блокнотам. Даже самые краткие повседневные записи заставляют интенсивнее работать память и воображение пишущего воспоминания, помогают детально восстановить правдивую картину ушедшей жизни.

Дневник из всех известных документальных жанров наиболее близок по структуре мемуарному повествованию, но все же не может служить синонимичным его замещением. Дневниковые записи выполняют функцию художественно-стилистического приема, композиционно организующего мемуары, сохраняя последовательность событий, дополняя, уточняя воспроизведенную очевидцем через много лет информацию. К дневниковым формам в процессе создания литературных воспоминаний нередко прибегали З. Гиппиус («Петербургские дневники», «Серое с черным», «Варшавский дневник»), А. Ремизов («Взвихренная Русь»), Г. Кузнецова («Грасский дневник»), Б. Зайцев («Дневник писателя»).

Вторым после дневникового по частотности сближения с мемуарным жанром можно назвать *эпистолярный жанр*. Письма, выдержки из них, ссылки на факты, приводимые в письмах, мемуаристы нередко включают в свое повествование, тем самым усиливая его документальное начало и значительно расширяя диапазон читательского представления об ушедшем времени. Использование писем зафиксировано в мемуарах З. Шаховской («Отражения»), И. Бунина («Воспоминания»), З. Гиппиус («Дмитрий Мережковский»), А. Седых («Далекие, близкие»), Ю. Терапиано («Встречи») и др.

Именно в письмах, благодаря свободе выбора повествовательных форм, запечатлено искреннее, непринужденное выражение авторских впечатлений от действительности. В эпистолярных посланиях, дословно цитируемых в мемуарных текстах, бережно сохранены грамматические и синтаксические особенности авторского письма, неповторимые интонации речи ушедших из жизни людей. Письма, созданные в переломные исторические эпохи, повествуют об общезначимом и, бесспорно, обладают ценностью документа своего времени.

Письма в мемуарном контексте выполняют и определенные композиционные функции: организуют временное пространство, позволяя сопоставлять разные жизненные отрезки в едином мемуарном контексте; придают насыщенность и динамику сюжету; выступают (как психологический прием) в качестве самохарактеристики адресантов; способствуют расширению диалогического общения персонажей, создают речевое многоголосие в повествовании. Включение эпистолярного жанра в мемуарный метажанр дополняет художественные возможности мемуарной прозы в сохранении информации о прошлом, усиливая ее документальную значимость.

Таким образом, проведенное сопоставление разных жанровых структур в рамках мемуарного метажанра убедительно доказывает, что мемуары писателей – явление в жанровом отношении подвижное, динамичное, открытое проникновению приемов как художественной прозы, так и публицистической, и документальной. Вышеперечисленные жанры редко сохранялись в мемуарных текстах в своем изначальном, неизменном виде. Выступая как включения в мемуарный текст, они подвергались трансформации и, взаимодействуя друг с другом, образовывали новые жанровые формы.

В пятой главе *«Автор – повествователь – герой»* исследуются разные способы воплощения «авторского я» в мемуарном произведении, отношение мемуариста к объекту повествования, взаимоотношения между автором-повествователем и персонажами.

Присутствие автора ощущается на разных уровнях создания и функционирования мемуарного текста. Первоначально мемуарист производит отбор со-

бытий и фактов, при этом далеко не всё, сохраненное памятью, оказывается включенным в текст будущего произведения. Подача, комментарий и оценка мемуарного материала происходит в соотнесенности с авторской установкой – рассказать «о себе» или «о других» (людях, фактах, событиях). Однако в любом случае, представленная в мемуарном тексте информация, имеет отношение к личности мемуариста. Не менее важна и установка на «своего» читателя, того, которому адресовано данное произведение и у которого автор ищет поддержки и взаимопонимания, вступая с ним в диалог.

Среди способов материализации авторского «я» в мемуарном тексте самый распространенный – слияние с голосом повествователя, комментирующего и оценивающего написанное. В результате автор-повествователь становится основным «субъектом речи», а его повествование строится на оценке лиц и событий прошлого с позиций настоящего. Мысленно возвращаясь в прошлое, мемуарист пытается реставрировать не только внешние события, но и свои прежние ощущения, впечатления, однако, приступая к написанию мемуаров, комментирует произошедшие события в современном ракурсе. В итоге происходит соединение двух повествовательных линий: автора-свидетеля или участника событий в прошлом и автора-комментатора этих событий в настоящем времени (В. Ходасевич «Некрополь», Г. Иванов «Петербургские зимы»). На изначально субъективную позицию автора-мемуариста накладывает отпечаток эволюция его мировоззренческих взглядов, произошедшая с момента реально свершившихся событий до времени создания мемуаров.

В мемуарных произведениях автобиографического характера автор получает возможность воплощения собственного «я» в образе главного героя. Однако этот образ не совпадает с образом автора-повествователя: в силу юного возраста, отсутствия жизненного опыта, нечеткости мировоззренческих установок герой не способен в полной мере оценить происходящие события и осмыслить свое место в них. Повествователь, находящийся за гранью времени повествования, не столько комментирует, сколько корректирует суждения и поступки своего младшего двойника. Подобное «слияние» и «расхождение» автора-

повествователя с автором-героем наблюдаем в мемуарных книгах Б. К. Зайцева («Москва»), Н. Берберовой («Курсив мой»), Н. Бердяева («Самопознание»).

В тех мемуарах, где превалирует рассказ о событиях, значительных лицах эпохи, личностные качества пишущего отнесены на второй план, а повествователь чаще выступает в роли заинтересованного наблюдателя. Здесь ведущей является форма повествования от третьего лица. В таком произведении фигура повествующего просматривается нечетко, автобиографические характеристики сведены к минимуму. Именно так построены книги З. Гиппиус «Живые лица», Ю. Анненкова «Дневник моих встреч».

Сложнее выявляется авторское «я» в том случае, когда мемуарист намеренно уходит за рамки повествования. Например, Дон-Аминадо в книге «Поезд на третьем пути» организует повествование так, чтобы заговорило само «время», ожили давно забытые российские реалии, всплыли мельчайшие детали провинциального быта. В результате, автор-повествователь держится на почти-тельной эстетической дистанции к описываемому. Однако важную роль в выражении авторской позиции в мемуарах Дон-Аминадо играет экспрессия слова, использование средств иронии, сатиры, в целом характерных для его художественной прозы.

Мемуарные тексты могут быть подвергнуты классификации по типу объекта повествования. В одних произведениях доминирует описание произошедших событий, в других – воссоздание образов ушедших из жизни людей. В зависимости от выбора основного объекта повествования мемуарист использует определенные повествовательные конструкции и способы выражения собственной позиции в тексте. Наиболее дорогими для писателей-эмигрантов стали воспоминания о людях: близких, друзьях, собратях по перу, известных личностях ушедшей исторической эпохи. Образы выдающихся современников – важные опорные точки в создании мемуарного метасюжета Русского зарубежья. Поэтому биографический и автобиографический типы повествования особенно распространены в мемуарной прозе эмигрантов.

В мемуарных произведениях *биографического типа* внимание автора обращено преимущественно к человеку, перипетиям его судьбы, особенностям характера, профессиональной деятельности и т. п. Здесь всегда имеется отличный от автора, самостоятельный главный герой. Авторское «я» проявляется в тексте факультативно. В мемуарах *автобиографического характера* объектом повествования становится сам автор, его позиция выражена четко, открыто, а все другие персонажи лишь способствуют ее раскрытию. И в том, и в другом случае мемуарное повествование субъективно, но степень проявленности авторской позиции разная и во многом зависит от выбора творческой установки: выстраивании сюжета с акцентом на внешних или внутренних событиях.

Присутствие авторской точки зрения в *исторических мемуарах* также значимо, поскольку здесь речь идет не о рядовых происшествиях частного характера, а об эпохальных событиях. Мемуарист, являясь свидетелем и участником важных исторических событий, получает возможность говорить не только от своего имени, но от лица целого поколения своих соотечественников. Мемуарное повествование об исторических событиях перестает быть монологом с самим собой и превращается в диалог между разными эпохами.

Особый тип воспоминаний представляют мемуары *ностальгического характера*, воссоздающие ушедшую эпоху с точки зрения быта, культуры, традиций. Большинство из них обращены к дореволюционным дням – началу жизненного и творческого пути многих писателей-эмигрантов. Задача автора в подобных мемуарах – сохранить память о навсегда исчезнувших явлениях русской жизни. Автор-повествователь в мемуарах ностальгического характера незримо присутствует в каждом эпизоде, но при этом часто оказывается затекстовым комментатором, не персонифицированным в тексте как самостоятельный образ-персонаж. Масштаб воспроизведенного мемуаристом материала, его общезначимая, общенациональная ценность не позволяют повествователю оставаться на первом плане, но его духовная причастность к объекту повествования бесспорна.

Отдельно можно представить группу *мемуаров* – «некрологов», посвященных ушедшим из жизни современникам, оставившим значительный след в культуре и истории Отечества. Большое количество таких мемуаров появилось на начальном этапе эмиграции, совпавшем с безвременным уходом из жизни личностей, широко известных в литературном мире (А. Блока, Л. Андреева, Н. Гумилева), а также десятков тысяч безымянных жертв революции и лично близких мемуаристам людей. Разумеется, все мемуары ретроспективны и посвящены событиям, оставшимся за порогом современности, но мемуары некрологического характера своим появлением обязаны именно известию о смерти человека или воспоминанию об этом печальном событии. Сам факт ухода из жизни близкого человека ставит мемуариста перед необходимостью по-новому взглянуть на его личность, деятельность, судьбу и попытаться подвести итог определенного отрезка собственного жизненного пути. Автобиографический и биографический тип повествования сходятся здесь очень близко.

Личность повествующего в мемуарной прозе трудноотделима от образа автора. Как пишет Л. Луцевич, авторское «Я – Эго – при любых установках и условиях – центральная категория мемуарного текста»¹. Однако информация в мемуарах может быть передана автором в основном двумя способами: от первого лица (повествователя) или третьего лица (рассказчика).

Если повествователь в стилистическом плане нейтрален, то рассказчик обладает индивидуальным «языковым обликом». И все же между этими двумя полярными фигурами огромный диапазон, в котором умещаются разные переходные типы, поэтому вполне справедливо, на наш взгляд, при анализе текстов пользоваться термином *нарратор*, обозначая тем самым носителя функции повествования.

Степень открытости *нарратора* и материализации его в тексте зависит от того, насколько приближена избранная автором форма повествования к авто-

¹ Ludmila Lucewicz. Эго мемуарного текста // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies [Электронный ресурс] / University of Toronto. – SPRING 2009. – No 28. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/28/lucewicz28.shtml>, свободный.

биографической или документально-публицистической прозе. Автобиографичность позволяет автору уделять больше внимания собственному «я», рассматривать и оценивать людей и события через призму личного восприятия. Документальность требует большей объективности в оценках, фактографичности, точности в изложении материала, эмоциональной сдержанности в манере письма. Вопреки сложившимся в литературоведении традициям изучения мемуарных жанров как части документальной или автобиографической прозы в данной работе делается попытка доказать принадлежность мемуарного наследия к психологическому типу письма, способствующему постижению внутреннего опыта личности, ее ориентирования в атмосфере напряженных общественных процессов.

Шестая глава «Мемуары писателей как «художественная документальность» посвящена вопросам соотношения документа, факта и его авторской интерпретации в мемуарах писателей, изучению «субъективного» и «объективного» начал в образе мемуарного персонажа, а также особенностям читательского восприятия мемуарной прозы.

Мемуарные сюжеты не требуют специального «выдумывания», их создает сама жизнь. Задача мемуариста лишь произвести верный отбор событий в потоке памяти, восстановив значительные моменты истории, образы героев ушедшего времени. И все же в литературных мемуарах автор остается мастером слова, органично сочетающим в своем повествовании черты «художественности» и «документальности». Именно синтез этих двух составляющих является сущностной особенностью писательской мемуарной прозы.

В мемуарах писателей художественный вымысел уходит своими корнями в наблюдение и изучение реальной действительности, но чаще основывается на невозможности преодолеть субъективность авторского взгляда и неизменное стремление мемуариста к самовыражению. В результате, довольно часто в мемуарной прозе мы можем наблюдать проявление разных оценок, проставление разных акцентов применительно к одним и тем же лицам и событиям (напри-

мер, портрет М. Горького в советской литературе и в мемуарах русских эмигрантов: Зайцева, Берберовой, Ходасевича, Бунина).

Итогом анализа в данной главе стало обобщение: писательские мемуары изначально были рассчитаны на диалоговое общение с читателем, но восприятие мемуаров представителями разных эпох и поколений не может быть однозначным и протекать в едином русле. В понимании мемуарного текста огромную роль играет читательская осведомленность об объекте, предмете повествования, разносторонняя гуманитарная подготовка. Немаловажна для читательского восприятия писательская репутация мемуариста, прошлый литературный опыт и его критическая оценка современниками. Старшее поколение эмигрантов в силу своей личной причастности ко многим описываемым событиям могло давать прямые оценки мемуарам. В отличие от старших, младшие представители эмигрантской среды и потомки, приступая к анализу мемуарного текста, должны владеть дополнительными сведениями биографического, исторического, культурологического характера. Мемуарный текст требует от читателя не только вдумчивого чтения, но и разносторонней гуманитарной подготовки: исторической, культурологической, философской, литературоведческой. Кроме того, сами воспоминания выполняют роль познавательного источника.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования. Разноаспектный, комплексный анализ художественно-документальных текстов писателей Русского зарубежья, проведенный в работе, свидетельствует о значительности и самостоятельности мемуарной прозы Русского зарубежья в истории русской литературы XX в. Мемуаристика эмигрантов воссоздала глубинные исторические процессы и отдельные человеческие судьбы в сложную эпоху войн и революций, побудила человечество задуматься над решением многих нравственно-этических и духовно-религиозных вопросов.

Анализ избранного руслу прозы в литературе эмиграции первой волны в соотнесении с произведениями классики Золотого и Серебряного веков убеждает в том, что мемуарный метажанр разработан настоящими мастерами словесного искусства, способными не только продолжать известные повествова-

тельные традиции, но и совершенствовать различные виды повествования, преумножая художественный опыт предшественников.

Мемуары писателей-эмигрантов представляют интерес не только с философско-исторической точки зрения. Значимой и яркой стороной литературной мемуаристики является ее поэтика. Проведенный анализ мемуарных текстов наглядно убеждает в том, что мемуары писателей-эмигрантов созданы по законам словесного искусства. Для них характерна синтетическая структура, позволяющая включать в мемуарный текст элементы очерка, эссе, дневникового, эпистолярного жанра, автобиографического рассказа, повести, романа, хроники, публицистической статьи, заметки, репортажа, некролога.

Каждая жанровая разновидность требовала от автора обращения к определенной повествовательной форме, индивидуальным способам воспроизведения мемуарного материала, ярко проявившимся в многообразии созданных писателями Русского зарубежья мемуарных произведений.

**Основные положения диссертации изложены
в изданиях из перечня ВАК:**

1. *Кознова Н. Н.* «Некрополь» В. Ходасевича и «Живые лица» З. Гиппиус: постижение внутреннего опыта личности в атмосфере напряжённых общественных процессов // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. «Русская филология». – М., 2007. – № 3. – С. 147-154. – ISBN 978-5-7017-1143-1.
2. *Кознова Н. Н.* Мемуарная проза русских писателей-эмигрантов: осмысление революционной стихии в России XX века // Преподаватель XXI век. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2007. – № 4. – С. 110-116. – ISSN 2073-9613.
3. *Кознова Н. Н.* Становление исторического сознания в мемуарной прозе русских писателей-эмигрантов первой волны // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2007. – № 2. – С. 60-63. – ISSN 1814-2958.

4. *Кознова Н. Н.* Особенности повествовательных форм в воспоминаниях эмигрантов о революции и гражданской войне // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск, 2008. – № 11. – С. 174-179. – ISSN 1728-7391.
5. *Кознова Н. Н.* Повествовательные формы выражения авторской позиции в мемуарной прозе // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. Сер. «Филологические науки». – Волгоград, 2008. – № 10 (34). – С. 163-167. – ISSN 1815-9044.
6. *Кознова Н. Н.* Своеобразие повествовательных форм в мемуарной прозе русского зарубежья // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. филология. – СПб, 2008. – № 2 (12). – С. 56-64. – ISSN 1818-6653.
7. *Кознова Н. Н.* Традиции русской духовной культуры в мемуарной прозе писателей-эмигрантов первой волны // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 9 (65). – С. 151-156. – ISSN 1810-0201.
8. *Кознова Н. Н.* Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. «Русская филология». – М., 2009. – № 1. – С. 137-143. – ISSN 2072-8522.
9. *Кознова Н. Н.* Жанр эссе в мемуарах писателей // Вестник Челябинского государственного ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 51. – Челябинск, 2011. – № 8 (223). – С. 74-78. – ISSN 1994-2796.
10. *Кознова Н. Н.* Литературные портреты политических деятелей в мемуарах русских писателей-эмигрантов // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. «Русская филология». – М., 2011. – № 1. – С. 82-88. – ISSN 2072-8522.
11. *Кознова Н. Н.* Мемуары писателей-эмигрантов о русской истории // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. Сер. «Филологические науки». – Волгоград, 2011. – № 2 (56). – С. 113-117. – ISSN 1815-9044.
12. *Кознова Н. Н.* Религиозно-духовное осмысление назначения искусства в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Электронный научный журнал

«Педагогика искусства» [Электронный ресурс]. – 2011. – № 1. – Режим доступа: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-1-2011/koznova_07_03_2011.pdf, свободный.

13. Кознова Н. Н. Эпистолярный жанр в мемуарном контексте // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2011. – № 1. – С. 51-58. – ISSN 1995-0640.

в монографиях:

14. Кознова Н. Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России: моногр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 252 с. – ISBN 978-5-9571-0364-7.

15. Кознова Н. Н. Типология форм повествования в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны: моногр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 168 с. – ISBN 978-5-9571-1419-3.

в прочих изданиях:

16. Кознова Н. Н. Мемуарная и автобиографическая проза И. А. Бунина // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX вв. Статьи и тезисы докладов Межд. научн. конф., посвященной 130-летию со дня рождения И. А. Бунина / Отв. ред. Г. М. Благасова – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – Вып. 2. – С. 72-77. – ISBN отсутствует.

17. Кознова Н. Н. Проблема ухода из жизни в мемуарах русских писателей // Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках. Статьи и тезисы докладов научн. конф. / Под ред. В. К. Харченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – С. 44-46. – ISBN отсутствует.

18. Кознова Н. Н. Тема искусства в книге мемуаров Б. К. Зайцева «Москва» // Словесное искусство Серебряного века и развитие литературы (материалы межвузовской конференции, посвящённой 70-летию МПУ) Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 2001. – С. 102-107. – ISBN 5-7017-0389-4.

19. Кознова Н. Н. Литературная жизнь России начала XX века в мемуарах Б. К. Зайцева «Далёкое» // Источники гуманитарного поиска: новое в традици-

онном (Лингвистика. История). Сборник статей / Под ред. В. К. Харченко. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. — С. 22–28. — ISBN отсутствует.

20. Кознова Н. Н. Художественная деталь в литературном портрете (на материале книги мемуаров Б. К. Зайцева «Далёкое») // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Материалы III-ей Межд. конф. «Русское литературоведение в новом тысячелетии». В 2-х тт. Т. 2. — М.: Издательский дом «Таганка» МГОПУ, 2004. — С. 98–102. — ISBN 5-8288-0727-7.

21. Кознова Н. Н. Великая Отечественная война в произведениях писателей русского зарубежья // Война в судьбах поколений: социально-гуманитарный аспект проблемы: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Старый Оскол, 26 апреля 2005 г. — Старый Оскол: ООО «Антиква», 2005. — С. 250–256. — ISBN отсутствует.

22. Кознова Н. Н. Мотив утраченного дома в мемуарах писателей русского зарубежья // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: Сборник материалов Межд. научно-методической конф.: В 2-х тт. — Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2005. — Т. II. — С. 190–198. — ISBN отсутствует.

23. Кознова Н. Н. Образ России в мемуарах русских писателей-эмигрантов первой волны // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы Межд. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005». Санкт-Петербург 6–7 июня 2005 года / Ред.-сост. И. А. Манкевич. — СПб.: Астерион, 2005. — С. 212–219. — ISBN 5-94856-118-6.

24. Кознова Н. Н. Цветовая деталь в мемуарном литературном портрете // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: Материалы X Шешуковских чтений / Под ред. д. ф. н., проф. Трубиной Л. А. — М.: МПГУ, 2005. — С. 501–507. — ISBN 5-98091-035-0.

25. Кознова Н. Н. Апокалиптические мотивы в мемуарах З. Гиппиус и Г. Иванова // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Межд. научн. конф.: Москва, МГОУ, 27–28

- июня 2005 г. Вып. 3. Ч. 1. Литература Русского зарубежья / Ред.-сост. Л.Ф.Алексеева. – М.: Водолей Publishers, 2006. – С.58-63. – ISBN 5-7137-0232-4.
26. Кознова Н. Н. Композиционные особенности мемуарного очерка писателей-эмигрантов первой волны // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Межд. научн. конф.: 16–17 ноября 2006 г. / Ред.-сост. С. И. Кормилов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – С. 198-202. – ISBN 5-211-05307-9.
27. Кознова Н. Н. Очерк Б. Зайцева «Улица Св. Николая» – лирический отзыв на революционную современность // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрёстке эпох: сб. научн. ст. Всерос. заочной конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 85-91. – ISBN 5-9571-0213-X.
28. Кознова Н. Н. Ощущение «космичности» бытия в «Окаянных днях» И. А. Бунина // Национальный и региональный «Космо–Психо–Логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И. А. Бунин, Е. И. Замятин, М. М. Пришвин): научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – С. 198-206. – ISBN 5-94809-179-2.
29. Кознова Н. Н. Психологические функции цветовой детали в мемуарном очерке-портрете Б. К. Зайцева // Цвет и смысл: Материалы научно-теоретического семинара кафедры филолог. дисциплин / Сост. Цель Л. А. – Старый Оскол: Изд-во СОФ БелГУ, 2006. – С. 37-43. – ISBN отсутствует.
30. Кознова Н. Н. Путь Б. Зайцева от России к Руси святой // Наследие Б. К. Зайцева: проблематика, поэтика, творческие связи. Материалы Всеросс. научн. конф., посв. 125-летию со дня рожд. Б. К. Зайцева. 18–20 мая 2006 года / Предисл. проф. Е. Н. Пузанковой / ОГУ, ОГЛМТ, ИСМО РАО, НИИ филологии ОГУ – Орёл: ПФ «Картуш», 2006. – С. 77-82. – ISBN 5-9708-0049-X.
31. Кознова Н. Н. Россия и Европа в мировоззрении писателей русского зарубежья // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора: Материалы Второй Межд. научн. конф. (заочной), посв. 80-летию проф. каф. литературы Давида Наумовича Медриша. Волгоград, 16 апреля 2006 г. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 59-67. – ISBN 5-98461-247-X.

32. *Кознова Н. Н.* Судьбы русской литературы в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Экология культуры и языка: проблемы и перспективы: Сб. научн. докл. и ст. межд. научн. конф. / Сост. Т. В. Винниченко, Т. В. Петрова. – Архангельск: КИРА, 2006. – С. 245-249. – ISBN 5-98450-030-2.
33. *Кознова Н. Н.* История и современность в мемуарах русских писателей эмигрантов первой волны // Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд. Материалы XI Шешуковских чтений / Под ред. Л. А. Трубиной – М.: МПГУ, 2007 – С. 104-109. – ISBN 5-98091-035-0.
34. *Кознова Н. Н.* Культура Золотого и Серебряного веков в восприятии писателей-эмигрантов первой волны // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрёстке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез : Сб. научн. статей Всеросс. заочн. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 23-31. – ISBN 978-5-9571-0289-2.
35. *Кознова Н. Н.* Литературный портрет И. А. Бунина в мемуарах русских писателей // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: ст. и докл. Межд. науч. конф., посв. 135-летию со дня рожд. И. А. Бунина / Под ред. проф. Г. М. Благасовой. – Белгород, Изд-во БелГУ, 2007, Вып. 4. – С. 62-72. – ISBN 978-5-9571-0255-7.
36. *Кознова Н. Н.* Роль Церкви в жизни эмигрантов первой волны // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы: материалы Всеросс. науч. конф. (г. Белгород, 4–7 октября 2006 г.): в 2 ч. – Белгород, Изд-во БелГУ, 2007. – Ч. II. – С. 36-40. – ISBN отсутствует.
37. *Кознова Н. Н.* Синтез жанров в мемуарной прозе писателей-эмигрантов первой волны // Пушкинские чтения–2007. Материалы XII Межд. научн. конф. (6–7 июня 2007 г.) / Под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – С. 116-122. – ISBN 978-5-8290-0644-0.
38. *Кознова Н. Н.* Типология очеркового жанра в мемуарах русских писателей-эмигрантов // Вопросы истории и теории русской литературы XX века: Межвуз. сб. научн. трудов / Ред.-сост.: В. В. Лосев, И. И. Матвеева. – М.: МГПУ, 2007. – (Серия «Виноградовские чтения»). – С. 67-74. – ISBN 978-5-243-00256-1.

39. Кознова Н. Н. Возвращение писателей-эмигрантов первой волны к истокам русской духовной культуры // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Межд. научн. конф. Москва, МГОУ, 27–28 июня 2007 г. Вып. 5. Литература Русского зарубежья. Приложения к 4 и 5 вып. / Ред.-сост. Л. Ф. Алексеева. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 5-10. – ISBN 978-5-7017-1317-6.
40. Кознова Н. Н. Жанрообразующая роль фрагмента и дневниковой записи в мемуарном тексте // Пушкинские чтения-2008. Материалы XIII Межд. конф. «Пушкинские чтения» / под общей ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – С. 112-119. – ISBN 978-5-8290-0737-9.
41. Кознова Н. Н. «Документальное» и «художественное» начало в нарративном пространстве мемуарной прозы И. А. Бунина // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX вв.: Научн. доклады, статьи, тезисы, очерки / Отв. ред. Е. А. Ширина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 96-105. – ISBN 978-5-9571-0363-0.
42. Кознова Н. Н. Личностная индивидуальность нарратора в мемуарной прозе писателей-эмигрантов первой волны // Пушкинские чтения-2009. Материалы XIV Международной научной конференции «Пушкинские чтения». – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. – С. 234-240. – ISBN 978-5-8290-0813-0.
43. Кознова Н. Н. Осмысление исторического и культурного опыта России в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Studia slavica XIII: Sborník Ostravská univerzita – uniwersytet Opolski – Ostrava, 2009 – S. 147-153. – ISBN 978-80-7368-742-7.
44. Кознова Н. Н. Особенности выражения авторской позиции в мемуарной прозе // Анализ текста в единстве формы и содержания. Материалы научно-теоретического семинара кафедры Филологических дисциплин СОФ БелГУ. – Старый Оскол: Изд-во «РОСА», 2009. – С. 63-70. – ISBN отсутствует.
45. Кознова Н. Н. Структурообразующая роль дневникового и эпистолярного жанров в процессе создания мемуарной прозы / Литературный документ: тео-

ретическое осмысление темы (материалы «круглого стола») // Литературная учеба. – 2009. – № 1. – С. 206-207. – ISSN 0203-5847.

46. Кознова Н. Н. Автор и объект повествования в мемуарах писателей-эмигрантов / Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола», ИМЛИ, 23.04.2010) // Книжное обозрение. – № 14 (2284). – 14 июня–27 июня 2010. – С. 10. — ISSN 1609-3127.

47. Кознова Н. Н. Литературный портрет М. Горького в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Максим Горький: взгляд из XXI века. Горьковские юбилейные чтения 2008 года: Материалы Межд. конф. (Москва, 2008 г.). – М., 2010. – С. 327-332. – ISBN отсутствует.

48. Кознова Н. Н. Особенности форм повествования в мемуарной прозе З. Н. Гиппиус (Варшавский дневник, Дмитрий Мережковский) // Studia i Szkice Slawistyczne X. Słowianie wschodni na emigracji: literatura – kultura – język / Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej; pod red. Bronisława Kodzisa i Marii Giej. – Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010 – S. 331-337. – ISSN 1644-4191.

49. Кознова Н. Н. Реальный факт и художественный вымысел в мемуарах писателей-эмигрантов первой волны // Studia Rossika XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe / Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego; Redakcja naukowa: Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. – Т. II. – Warszawa: Wydawnictwo “Studia Rossica”, 2010. – S. 83-94. – ISBN 978-83-61116-09-7.

50. Кознова Н. Н. Становление исторического сознания эмигрантов в мемуарах Русского зарубежья // Новые концепции в изучении русской классики XX века (междисциплинарный аспект): Материалы XIII Шешуковских чтений / Под ред. Л. А. Трубиной. – М., МПГУ, 2010. – С. 224-234. – ISBN 978-5-89790-670-3.

Подписано в печать 23.08.11	Формат 60х84 ¹ / ₁₆	Цифровая	Печ. л. 2.5
Уч.-изд.л. 2.5	Тираж 150	Заказ 07/08	печать

Отпечатано в типографии «Фалкон Принт»
(197101, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, дом 54, офис 8)

102